

ФАКТОРЫ
СОХРАНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО
ИДЕНТИТЕТА
ЛИТОВСКИМИ
КАРАИМАМИ © *Галина Кобеукайте*

В современном мире вопрос сохранения самобытности становится все более актуальным. Поэтому важно выяснить, в чем конкретная самобытность заключается. В данной статье автор ставит перед собой задачу установить совокупность главных составных довольно сложного социального и исторического явления – идентитета небольшого народа, никогда не имевшего своего государства, – литовских караимов.

По генеалогической классификации языков караимский вместе с другими наиболее ему близкими языками западно-кыпчакской группы (карачаево-балкарским, кумыкским, крымско-татарским) относится к семье тюркских языков, которая в свою очередь входит в более крупную семью алтайских языков. Среди древних тюркских языков самым близким к караимскому является половецкий.

На протяжении нескольких столетий караимский язык употреблялся и доньше употребляется в среде чужих – чаще всего не тюркских – языков на небольших, далеко друг от друга расположенных территориях. В силу этого обстоятельства он не мог сформироваться в общенациональную форму и существует в трех исторически сложившихся диалектах – тракайский, крымский и галицко-луцкий.

Современный караимский язык, несмотря на малочисленность его носителей и влияние чужих языков, хорошо сохранил специфические особенности своей грамматической структуры и многие слова, являющиеся исконно тюркскими, но утраченные другими тюркскими языками. Архаичность и относительную чистоту словарного состава во многом определило его существование в чужой языковой среде. Безусловно, это не благоприятствовало развитию самого языка, но зато он стал особенно ценным для сравнительных лингвистических исследований¹. Польский тюрколог проф. Т. Ковальский, исследовавший язык в двадцатые годы прошлого столетия, сравнил его с мушкой, застывшей в янтаре², а директор Института турецкого языка в Ан-

¹ Венцкуте Р. Несколько заметок о караимском языке и его употреблении / Предисл. к кн. // *Firkovičius M. Mien karajče ūrianiam*. Vilnius, 1996, j. 21–27.

² *Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki*. Krakow, 1929.

каре проф. А. Эрджиласун, впервые услышав живой караимский несколько лет назад, сказал, что ему показалось, будто он очутился в XI в. в древней Турции. Это сравнение было весьма удачным, т. к., по мнению большинства ученых, караимский язык сформировался около IX-X вв. на основе языков тюркских племен, населявших Хазарский каганат (хазары, кыпчаки-куманы, или половцы) и принявших караимскую веру, что в совокупности на основании этих общностей и объединило их в народ, превратив название религии в этноним. Именно потомками этих племен являются этнические тюрки-караимы, некогда в основном проживавшие в причерноморских степях и Крыму. В их самосознании хазарское происхождение как элемент тождества занимает очень важное место³.

С момента переселения части караимов из Крыма в Литву их история становится неотъемлемой частью истории Великого княжества Литовского, а их юридический статус зафиксирован и упорядочен многочисленными привилегиями, выданными им правителями государства. Объединение Великого княжества Литовского с Польским Королевством юридического положения караимов не изменило.

В 1441 г. привилеем короля Казимира тракайская караимская община получает Магдебургское право наравне с городами Вильнюс, Каунас и Тракай. Этим документом караимская община (*džymat* – джымат), проживавшая в то время в отдельной части города, была удостоена права на самоуправление. Ею стал управлять избранный из своей среды войт, имевший всю исполнительскую и судебную власть и подчинявшийся только королю. В письмах в Константинополь в 1483–1486 гг. караимы писали, что их в Тракай не притесняют и они свободны исповедовать свою религию. Последующие короли подтверждали это положение специальными грамотами и привилегиями. Караимам было разрешено построить свой храм, а специальной грамотой короля Александра в 1495 г. им было разрешено нанимать для подсобных работ христианское население.

Число караимов в Литве никогда не превышало нескольких тысяч. С местным населением на протяжении веков они жили дружно, не забывая, однако, своего родного языка, исповедуя свою религию и не ставя под угрозу свою самобытность. Этот факт объясняется толерантностью государства и общества к различным религиям и культурам, которых на территории тогдашнего Литовского государства было довольно много.

Поскольку караимам всегда приходилось жить совместно с людьми другого вероисповедания и других этносов, время от времени, в зависимости от

³ *Zajaczkowski A. Karaims in Poland. Warszawa, 1961; Zajaczkowski A. Khazarian Culture and its Inheritors // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. T. XII/1–3.*

изменяющихся исторических обстоятельств, возникал вопрос об их статусе по отношению к государству. Пока Крым был самостоятельной территориальной и административной единицей, принадлежавшей династии Гирейского хана, перед проживающими в Крыму караимами такой вопрос не вставал.

Такое же не вызывающее тревоги положение продолжалось до конца XVIII в. также в Литве и Польше. В 1795 г. во время третьего раздела Речи Посполитой Литва и часть Польши оказались в составе Российской империи. В этой изменившейся ситуации караимы начали заботиться о своем правовом положении.

После долгих стараний представителей общин в 1837 г. российскими властями было утверждено «Положение о Таврическом караимском духовенстве», права которого были уравнены с мусульманским духовенством. На основании этого документа было создано Таврическое и Одесское караимское духовное правление. Следует отметить, что за отсутствием церковного сословия все духовные и общественные должности в караимских общинах являются выборными.

Литовские караимы с 1850 г. подчинялись вышеупомянутому Таврическому духовному правлению. Ту же участь разделили и литовские татары, которые стали подчиняться Таврическому магометанскому духовному правлению. В 1863 г. царским указом на основании ранее имевшихся прав караимы были приравнены по сословиям к местным жителям. В этом же указе отмечалось, что предполагается создать второе духовное правление для западных губерний России с отдельным верховным духовным и административным главой. Такое духовное правление было создано и начало действовать в Тракай в 1869 г. Этим документом была подтверждена и продлена иерархическая независимость караимской конфессии, которой она пользовалась в Великом княжестве Литовском.

Избираемый глава духовного правления караимов становился одновременно и духовным, и светским предводителем общины. Такая структура духовного самоуправления караимской общины сохранялась в Литве и Польше до 1940 г.

Появление в Европе национальных государств выдвигает на повестку дня вопрос о национальном, его характеристике и особенностях. Собирая и записывая народные песни, немецкий философ и историк J.G. Herder (И. Гердер, 1744–1803) еще в XVIII в. закладывал философскую основу для этого понятия в пределах одной и той же религии. В литовско-польском ареале, находящемся в центре Европы, движение за сохранение национального са-

мосознания, за реставрацию нации сопровождалось борьбой за национальную независимость, за восстановление государственности. В конце XIX – начале XX вв. это движение было овеяно не только революционным, но и романтическим духом национального патриотизма.

В Вильнюсе с начала XX столетия царила особая атмосфера: все национальные группы одновременно начинают ратовать за идеи национального самосознания и необходимость его сохранения. Эти духовные веяния не могли не оказать влияния и на караимов. Характерным примером такого патриотического восприятия своей национальной принадлежности и необходимости воспитания национального самосознания может быть колыбельная “*Jukla, uvlum*” (Спи, сынок), написанная основателем караимской светской поэзии С. Кобецким (1865–1933)⁴. Убаюкивая сына, наставляя его быть честным, любить людей, мать выражает твердую уверенность в том, что так непременно будет и должно быть, ведь ее сын – караим:

Mien inanam, siuviar uvlum,
Ki bijanči siendian bolum.
Bolus kiučliu, ösiup ullu,
Muft tiuviul sien karaj uvalu.

(Подстрочный перевод автора статьи:

Я верю, мой любимый сынок,
Что буду гордиться тобой.
Ты станешь сильным, когда вырастешь, –
Недаром ты сын караима.)

(В межвоенные годы это стихотворение было положено на ноты и стало очень популярной колыбельной, с которой выросло не одно поколение караимов и которая исполняется и сегодня.)

Несомненно под влиянием общего патриотического настроения, особенно ощущаемого в просвещенных кругах местной интеллигенции, в Вильнюсе в 1913–1914 гг. начинает печататься первое караимское периодическое издание «Караимское слово» (на русском языке). Уже в первом номере издатели заявили, что журнал появился в целях развития и укрепления национального самосознания.

Оценивая «Караимское слово» с исторической перспективы, надо отметить, что авторы четко сформулировали проблему, которая впоследствии будет занимать просвещенные умы караимской общественности не раз, – это забота о сохранении своего народа, его отличительных особенностей, в пер-

⁴ Кобецкий С. Ирлар. Киев, 1904.

вую очередь языка и религии. Из этих побуждений в 1911 г. в Вильнюсе начинается строительство нового храма на Зверинце, где проживало наибольшее число караимов города. К сожалению, как издание журнала, так и строительство храма было прервано началом Первой мировой войны.

Вернувшись из эвакуации, караимская интеллигенция считала своим долгом продолжить начатый перед войной труд. Благоприятствовала этому и общая идеологическая атмосфера заново восстановленных государств – Литовской и Польской республик, в которых патриотическо-национальному воспитанию придавалось большое значение. Именно в этом русле началось восстановление и общественной жизни караимов.

Жизнь караимской общины может быть разделена на религиозную и светскую лишь теоретически. В действительности же они всегда были неразрывно связаны, переплетались и существовали как одно целое. Жизнедеятельность религиозной общины воспринималась как свидетельство наличия народа, как гарант ее национальной культуры в целом.

В межвоенное время при наличии как объективных, так и субъективных условий существовали и функционировали все элементы национальной духовной культуры – религия, язык, национальное самосознание, соблюдение традиций и обычаев предков. Существовая в такой среде, личность не раздваивалась и не терзалась. Отождествление себя со своим народом было явлением естественным, социально не опасным, и потому все караимы, независимо от их профессионального, общественного статуса и карьеры, активно участвовали во всех общественных мероприятиях и делах – будь то богослужение, любительский спектакль, выборы духовной власти или благотворительный бал.

Через религию люди чувствовали причастность к своему народу, она как бы дополняла личность, усиливала ее достоинство. Религия была стержневой частью национального самосознания. Но под влиянием выше упомянутых национально-патриотических движений, характерных для Европы начала XX в., национальное самосознание перестало замыкаться лишь на религии, и караимская община чувствовала себя не только носителем определенной религии, но и носителем национальной, тюркской по своим корням, культуры. А наиболее просвещенная часть этой общины, в первую очередь верховные священники, чувствовали особую ответственность за ее сохранение.

Религия несомненно являлась тем стержнем, вокруг которого все сплачивалось, но главным, особенно в XX столетии, становилось не только сакральное ее содержание, но факт, что церковь, как особая институция, становится своеобразным инструментом в самом положительном смысле, тем

более что караизм зиждется на принципе совершенно самостоятельной интерпретации каждым верующим текста Библии, что, как замечает проф. А. Зайончковский (1903–1970), крупнейший польский востоковед, караим по национальности, соответствует такому же принципу, существующему в протестантизме⁵.

Интересное замечание по оригинальности караизма делает литовский историк религий Г. Береснявичюс. Он пишет, что «караизм – единственная монотеистическая религия, чья теология является столь терпимой – ведь каждому изучающему Библию дозволено прийти к самостоятельному умозаключению, не обращая внимания на мнение другого по этому же поводу, т. к. главный принцип караизма заключается в самостоятельном кропотливом изучении текста и в том, чтобы слепо не следовать чужому мнению»⁶.

Важно отметить, что богослужение у караимов велось на родном языке и, как пишет составитель первого печатного молитвенника на караимском языке старший священник литовских караимов М. Фирковичюс (1924–2000), «объем употребления в литургии караимского языка никогда не устанавливался и не ограничивался, и язык всегда звучал в самые торжественные моменты службы»⁷. Из поколения в поколение передавалась традиция чтения литургических текстов на караимском языке по оригиналу и в связи с этим разрабатывалась специальная техника чтения: имея перед глазами текст Св. Писания на языке оригинала, громко прочитывать его на родном караимском языке. Эта непростая процедура требовала специального обучения, к тому же сам текст оригинала не всегда понимался читающим – отдельные отрывки в переводе на караимский просто заучивались наизусть.

В жизни современного общества религия повсеместно стала занимать иное место, чем это было в прошлые века. Говоря о роли религии в духовном мире современного человека, часто упоминается сложный язык литургии, для понимания которого необходимо как общее, так и теологическое образование, постоянная практика литургического песнопения и понимание его духа и образа. Это применимо и к караизму, тем более что основным его требованием является понимание читаемого текста. Это было возможным, когда люди обучались основам религии. Когда же уроки были прекращены, возвышенный слог языка Библии даже на родном языке, порядок богослужения большинству стал почти недоступным.

⁵ *Zajaczkowski A. Zarys religii karaimejskiej. Warszawa, 2003, s. 4.*

⁶ *Beresnevičius G. Religijotyra. Vilnius, 2003, p. 167.*

⁷ *Karaj Dinliljarnin Jalbarmach Jergialiari, 1 bitik. Vilnius, 1998, j. 211.*

Однако это не должно означать, что незнание литургических канонов, неполное понимание текста молитв не позволяет верующему полноценно участвовать в богослужении. На помощь приходит и принцип караизма, заключающийся в том, что важно не количество слов, а усердие молящегося. Значит, намного важнее тот факт, что верующий чувствует и осознает само действие, происходящее на его глазах и в его присутствии. Он участвует в богослужении интуитивно, ибо религиозная интуиция, как бессознательное стремление к возвышенному, не чужда любому человеку⁸. При таком состоянии вещей, как пишет в своей книге «Божественный Восток» литовский историк религии Б. Улявичюс, важна невербальная коммуникация, которую литургия выполняет через ритуалы⁹. «Через святые слова, жесты, звуки, краски, в конце концов через таинственность и архаичность ритуального действия к ним (людям. – Г. К.) обращается сам Бог»¹⁰.

На протяжении веков посещение храма, торжественная атмосфера и сосредоточенность во время молитв, соблюдение религиозных праздников и обрядов, звучание во время богослужения молитв и хвалебных гимнов на родном языке для большинства караимов кроме сугубо сакрального содержания – или, вернее, вопреки ему – имело и своеобразный символично-ритуальный смысл. Пасхальные или, например, свадебные обряды становились неотъемлемой частью традиций и обычаев, которые, будучи караимом, каждый считал своим долгом соблюдать. Более того, соблюдение ритуальных обычаев, как особой национальной ценности, стало неоспоримым условием причастности к своему народу и его культуре. Недаром и пословица караимская гласит, что обычай – половина веры (*adet – jarymy dinnin*).

В этом контексте тяжесть ответственности за сохранение этнического идентитета и его особенностей, прежде всего языка, перенеслась в основном на семью, старшее поколение которой хранило память о прошлом. Большинство сегодня здравствующих и знающих язык караимов благодарны за это своим родителям, говорившим по-караимски дома и соблюдавшим традиции.

Обычаи соблюдаются в семьях повсеместно, и они сплочают народ. Безусловно, наличие старшего священника, который был символом и как бы основным их гарантом, играет огромную роль. После 1951 г., когда в Тракайской кенесе последний раз была открыто обвенчана пара караимских моло-

⁸ Eliade M. Patterns in Comparative Religion. London and New York: Sheed & Ward, 1958, p. 454.

⁹ Ulevičius B. Dieviškieji Rytai. Vilnius, 2002, p. 170.

¹⁰ Там же, с. 8.

доженов, эта торжественная церемония, начальная часть которой *Kieliašmiak* (Келяшмяк – обручение) носит не религиозный, а семейно-обрядовый характер, перенеслась в подполье. Но не было ни одной караимской пары, которая не была бы обручена и обвенчана по всем правилам старшим священником С. Фирковичем (1897–1982). Не было ни одного караимского ребенка, по случаю рождения которого не была бы прочитана молитва, не было ни одних похорон, на которых не звучал бы голос старшего священника, молитвой и традиционной песнью – плачем *Syjt jry* (Сыйит йры) – провожавшего покойного в последний путь.

Таким образом, несмотря на то, что в советское время деятельность духовного правления была остановлена, религиозная традиция, хотя и в весьма модифицированном виде, не прерывалась. Она была гарантом и основным инструментом национального самосознания караимов, которое сохранилось, несмотря на то что многое было потеряно, как бы растворилось, расплылось во времени и пространстве. И в этом несомненно огромнейшая заслуга как караимских семей, так и священников, особенно С. Фирковича, а позже тех, кто замещал его, хотя вначале и неофициально, на данной должности. (Когда С. Фиркович был уже не в состоянии выполнять свои обязанности, его замещали Р. Лавринович, С. Кобецкас или М. Фирковичюс.)

Роль и авторитет священника в караимском обществе всегда чтились очень высоко. Их старания и старания самих караимов, в какой-то мере как форма ненасильственного сопротивления, в сложнейших неблагоприятных условиях соблюдать обычаи и традиции своих предков явились причиной того, что сегодня, хотя и с огромными потерями, как человеческими (ассимиляция, малая рождаемость), материальными, так и духовными, все же существует в Литве (273 человека) и Польше (45) караимский народ с сильно выраженным национальным самосознанием. Именно это позволило ему возродиться, когда в результате восстановления независимости национальная самобытность и принадлежность к своему народу перестали быть чертой нарицательной.

Таким образом, в данной статье установлено, что этнический идентитет литовских караимов определяется в основном их национальным самосознанием, родным языком, историческим прошлым, религией, а также общим духовным и материальным наследием.

Ярким свидетельством возрождения стал 600-летний юбилей, в организации которого активно участвовала караимская молодежь. Это был настоящий праздник души – души свободной, возрождающейся и открытой. Особенно отрадно, что сегодня, 10 лет спустя, мы опять отмечаем эту дату, и караимская молодежь, как в Литве, так и Польше, переняла эстафету своих

прадедов и отцов. Есть надежда, что жизнь общины будет не только вокруг религии, но и вместе с ней, и она сможет занять свое прежнее сакральное место в сознании человека. Догмы караимской религии о самостоятельном и индивидуальном прочтении и интерпретации Библии, соблюдение десяти Заповедей Божьих благоприятствуют современному положению вещей и не противоречат свободному развитию личности, ответственной за свои поступки и соблюдающей этические и моральные нормы общества, в котором современные караимы живут и полноправными гражданами которого являются.

А может быть именно бытие караимом для всех нас на протяжении веков и было самой святостью, самой сакральностью, в которую мы верили и которую чтили? Святостью, которая является главной духовной потребностью, возвратившейся после долгих лет.